

Сборник рассказов от
депрессии к вдохновению

КУБЛЕРОС

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

автор Кармако Тритэ

18+

Рашид Кармако Тритэ
Кублерос

«Автор»

2020

Карамако Тритэ Р.

Кублерос / Р. Карамако Тритэ — «Автор», 2020

Моя мама сказала, что это гениальные рассказы, но моей бабушке она их никогда не покажет. Когда я дал прочитать их своей бабушке, та подпрыгнула и превратилась в гриб.

© Карамако Тритэ Р., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Почти все.	5
Семейные традиции, катаны и почему иногда не стоит звать замуж.	6
Эфир	7
Все как надо, все как у людей!	9
«Физик + Лирика»	10
О скрипачах и скрипках.	12
Доцент Лясииков остаётся без отпуска	13
Петрович *бнулся. (18+)	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Рашид Кармако Тритэ Кублерос

Почти все.

Я гулял однажды по улицам, попал в парк и встретил девушку. Та сидела на скамейке, в длинном платье с кружевами и читала Бальзака. Рядом лежал белый рюкзачок.

Она сказала: «Ты тот, кто мне нужен! Я люблю спокойных парней, которые лишнего не думают и ничего такого себе не позволяют!»

Мы сидели в парке до вечера и я узнал, что рюкзачок она сшила сама, а еще она любит белые тюльпаны и ореховый пломбир. Что однажды она чистила на балконе апельсин – и о ужас! – уронила косточку на старушку, которая проходила внизу. Что мама иногда позволять ей наносить немного румян и помаду – только не слишком яркую!

Я рассказывал, какие прекрасные иногда пишу стихи и как люблю по утрам сварить кофе с корицей, а еще смотрю иногда фильмы Тарковского и глубина его мысли обжигает мое нутро.

Она вырезала ножницами из конспекта страницу, написала свой номер и сказала: «Позвони, как будешь свободен! Посмотрим вместе Андрея Рублева. Я чувствую в тебе родственную душу!»

Я кивнул и пошел дальше.

Зашел в бар и встретил другую девушку. Она сидела за барной стойкой и потягивала что-то из стакана.

Она сказала: «Ты тот, кто мне нужен! Я люблю жарких парней, которые не постесняются угостить, а потом сорвать с меня мои кружевные трусики!»

Мы занялись сексом прямо в туалетной кабинке.

У неё была родинка на лопатке. Под ней татуировка в форме пушистого зайца на смешном трехколесном велосипеде. На спине пятиконечная звезда лучом вниз. На гладком лобке строчка на латыни.

Мы сидели в баре до утра и я узнал, что пушистый заяц – её детская игрушка, которая сгорела с семьей, когда ей было пять лет. Что пентаграмму она наколола, когда принесла присягу сатане. А строчка на латыни – это Есенин:

«Лицом к лицу

Лица не увидать»

Я рассказывал, как своими руками похоронил год назад деда, как в родном городе два месяца жил в притоне и как однажды к нам прибежал отряд ментов, а я убегал от них по крышам и прятался два дня на чердаках, потом спустился, угнал велосипед и уехал навсегда.

Она набросала свой номер на барной салфетке и сказала: «Позвони, как будешь свободен. Оторвемся, пошлем эту жизнь, напьемся и еще раз трахнемся.

Я чувствую в тебе родственную душу!»

Семейные традиции, катаны и почему иногда не стоит звать замуж.

Это как поджечь бензин, ожидая, что запахнет розами.

– Сука!!! – орал я, прыгая на одной ноге. – Сука-сука-сука!

Вторая нога валялась рядом, черным ботинком в лужу. Ботинок сиял – я как последний дурак чистил его минут 20, прежде чем пригласить ее погулять в парк.

– Прости. – растерянно пробормотала она, перебирая в руке катану с веселыми смайликами на рукояти. – У нас семейная традиция такая: зовут замуж – руби ногу.

Я напрыгнул носком на бордюр, потерял равновесие и упал спиной на газон, уже порядком покрашенный кровью в багрово-красный.

– Ну что за херня, Маша? – из последних сил просипел я, видя, как расплывается ее силуэт, а следом и остальной мир. – А предупредить?

– Сам дурак. – обиделась она. – Почему не увернулся?

Я хотел задушить ее словами, хотел матом выбить катану из ее рук, повалить и добить парой междометий промеж глаз! Но вместо этого потерял сознание.

– Простите, но я не могу пришить вам ногу.

Вначале пришла эта фраза. И уже она, полетав в белой дымке вокруг моей головы, вначале отдалилась, а после уплотнилась, став серьезным дяленькой в белом халате.

А «ногу» полетала еще чуть-чуть, подлетев прямо ко мне, и став... ногой. Торчит теперь из ведра со льдом, на тумбочке справа.

– Простите, но я не могу пришить вам ногу.

– Почему? – еле-еле слышно прошептал я, неотрывно глядя на собственную конечность.

– У нас семейная традиция такая: если дочь выходит замуж – никакой работы.

Я повернул голову. Мой взгляд упал на черно-белую ручку катаны, торчащей из-под халата. Зацепился за костыль рядом со врачом и один ботинок на полу.

– Так вы – ее отец? – сообразил я, немного пошевелив мозгами.

Врач кивнул.

– Но она же отрубила мне ногу...

– Да. – еще раз кивнул врач. – Но она согласна.

Я прикрыл глаза и набрал в грудь сколько смог воздуха, чтобы мой крик снес побольше маразма вокруг:

– ДА ПОШЛА ОНА НАХЕР!!!!

Врач пожал плечами, пробормотал под нос: «Ну я так и полагал...» Коротко кивнул в третий раз, оперся на костыль, встал и доковылял до двери в палату, перемежая стук костыля и шарканье ботинка. Стук-шарк. Стук-шарк. Стук-шарк.

У двери обернулся. На лице его было злорадное торжество.

– Слабак! – ухмыльнулся он и распахнул дверь. – Готовим пациента к хирургии! Олечка, приготовьте вторую операционную...

Эфир

Однажды я сдал кровь и убил 362 человека.

За месяц до этого мы с моим другом Кириллом нашли на антресолях бутылку советского эфира. Недолго думая, закрыли окна в комнате, заткнули щели между дверью и проемом и раскупорили.

Через пять минут Кирилл сидел на диване, плотно прижав ко рту пропитанную эфиром тряпку и шумно вдыхал, а я сидел и пускал кольца из вейпа, внимательно наблюдая за другом. Была странная зависимость – чем ровнее я пускал кольца, тем шумнее вдыхал Кирилл.

– У-у-у-ух е! – наконец выдохнул он и уронил тряпку.

Глаза его были красные, как у кролика, рот отвис, с губы стекала слюна. Потянувшись за пустой банкой, которую мы специально заготовили для плевков, он сплюнул и потянулся за эфиром.

– Ко-огда о-организм отравляет себя-а... – Кирилл странно вытягивал гласные, раскачиваясь и мотая головой, подобно лошади на отдыхе. – То уси-и-и-и-иваца... усиливается слюно... Слюноотделение!

Добавив эфира на тряпку, он сплюнул куда-то совсем сторону, и опять прижал тряпку к лицу. Я вдохнул еще вейпа.

По звукам Кирилл напоминал дарта вейдера. Он промокал тряпку уже в пятый раз, до этого – просто сидел и кряхтел, ворча, что запах у «этой херни» хуже, чем у бензина. И вот на тебе. Торкнуло.

Вдруг затих. Я вдохнул и выпустил совсем ровное кольцо, которое пролетело через пол комнаты и исчезло только на подлете к шкафу. Кирилл затянулся и вдруг... его зашатало, он упал на диван, потом на пол. И тишина.

– Эй... – я подошел и пнул его носком. – Эге-гей!

Но он больше напоминал труп. Я наклонился и потряс его за плечо. «Труп» внезапно дернулся, с размаху резанулся затылком об угол кровати, вскочил и начал мотаться по комнате, хаотично размахивая руками. Было ощущение, словно он попал в кубрик корабля, который попал в жуткий шторм. Из раны на затылке хлестала кровь, окропляя все вокруг.

Меня прошиб ужас!

– Кирилл..?!

Кирилл замер, вслушиваясь в пустоту. Потом медленно перевел взгляд на меня... Пронзительно завопил! Упал на пол! И затих.

От страха я еле вспомнил, что умею двигаться. Встал, быстро оделся и ушел, кинув моего друга истекать кровью на полу.

А на следующий день я пошел сдавать кровь. Слил поллитра, получил 605 рублей, купил чипсов и пепси и пошел проведать Кирилла. Голова его была перевязана, а на лице – самое злое выражение.

– Что вчера было? – пробормотал он с порога.

– Мы эфир нюхали. – ответил я и протянул чипсы, и только тогда лицо друга просветлело.

– А ну да, ну да... Ты как, кстати, тоже ведь рядом сидел? Мне вообще дурно...

– У меня так, голова ужасно с утра кружилась – но я думал, от страха. Я же кровь сдавал.

– С эфиром? – выкатил глаза Кирилл. – Кровь с эфиром, вот смеху то!

Мы посмеялись, а потом открыли пепси и забыли.

А через месяц где-то в районе Хабаровска в тайгу рухнул самолет с пассажирами. Если верить новости, самолет вел опытнейший пилот, но в экстренной ситуации: это был день жуткой нехватки пилотов в аэропорту и второй пилот ушел на другой самолет.

Самому же пилоту нездоровилось – накануне он порезался и потерял немного крови. Врач решил перестраховаться и перед рейсом сделал пилоту переливание. Я даже не удивился, когда увидел в новости, что группа крови у пилота 3-я отрицательная. Прямо как у меня...

Кровь с эфиром. Ха!

Все как надо, все как у людей!

Когда свидетель прикатил к алтарю наспех склеенный из картона гроб из которого торчала рука с кольцом, гости притихли, а невеста вначале заржала как конь, а потом отрубилась, напоследок просипев: «Все таки выкрутился, каз-зел...»

Свидетель изо всех сил жал плечами:

– А я чо? Я же обещал по-любому доставить! Ну кто знал, что так все будет? Ему сосулька на голову упала!

– В июле??? – возопила невеста, выйдя из обморока только ради вопля и тут же упав обратно на руки гостям.

– Он в ресторане в холодильник полез за мороженым..!

– Значит, так... – гулким голосом начал священник. – Души вечны, выбор их необратим. Вначале обручим, а потом уж – отпоем.

Родители и гости возмущенно загудели. В зал тут же влетел десяток пчел, по ошибке расслышав, что здесь – богатые заросли клевера.

Гул немного разбавлял вой вновь очнувшейся невесты.

Всеобщая печаль была так велика, что про труп как-то даже и позабыли. Один свидетель, пока суд да дело, приподнял картонную крышку и теперь смущенно отряхивал пиджак от крошек – крышка гроба была наспех склеена из коробок из под пиццы.

А Поп прокашлялся, наметанным глаз увидел в невесте – эпицентр шума и обратился к ней напрямую.

– Заткнись и скажи спасибо, что я – поп, а не брамин, и мы не в Индии. Там бы его сожгли, и тебя туда же. А у нас все тихо-мирно и по христиански: обручим, отпоем и скоренько в могилку. Ты в трауре полгода побудешь а там, глядишь и пристроим тебя в монастырь!

От таких перспектив невеста грохнулась в обморок в третий раз, а толпа опять начала гудеть. Пчел в храме прибавилось...

«Странные люди» – подумал поп. – «Вполне нормальный вариант – и торжество состоится, и гости не разочарованы, и баба пристроена. Чего еще то? Все как надо, все как у людей»

«Странные люди» – подумал свидетель. – «Сначала звонят, слова не дают вставить – „привози, хоть какого..!“ а теперь расстраиваются. А я его на такси через весь город, как дурак... Зато в костюме передел, пока ехали. Да и идет он ему так куда лучше. Все как надо, все как у людей»

«Странные люди» – подумал жених. – «Ну умер и умер. Зато пришел, как и обещал. Теперь один хрен – хоть жените, хоть в гроб. Сказал – сделал! Все как надо, все как у людей»

«Физик + Лирика»

Почтальон сунул письмо в дверную щель когда я застегивал последнюю пуговицу на строгом пиджаке.

Конверт абсолютно белый, с тонкой строчкой моего адреса, но я сразу узнал отпечаток ее помады на линии склейки. Да и как не узнать? Сочный, красный, томный – легкая волна сучести разошлась по квартире еще до того, как конверт упал на пол.

Кошка повела носом, зевнула, потянулась. Пес встрепенулся, сам не зная отчего, зачем-то гавкнул на торшер и ушел от греха подальше на балкон. А я взял конверт, замарал белые перчатки об ее помаду, ругнулся сквозь зубы и открыл.

«Милый мой. Родной мой. Неспokoйный мой. Как ты учишь глупых детей в своих умных университетах, вселенная постоянно расширяется. И я боюсь, что это письмо никогда до тебя не дойдет. Пока его везет к тебе поезд, рельсы уже вытянулись до горизонта.

Там, глядишь, и появился промеж станций какой-нибудь новый город – не пустовать же месту, а вселенная на чудеса щедра. И почтальон-дурак взял и скинул именно мой конверт на этой новой станции...

Шучу.

Письмо дошло до тебя, ведь мы оба горячо хотим обратного.

Ведь как ты учишь глупых неразумных детей в своих скучных умных университетах – наблюдая за событием, мы на него влияем. Физика? Квантовая? В отличие от тебя, никогда в этом не разбиралась.

Так вот я не хочу, чтобы письмо дошло – оно и застрянет где-нибудь промеж маршрута. Ни там и не тут.

Но ты тоже не захочешь и минус на минус – плюс? Вот оно взяло, встрепенулось и полетело к тебе как миленькое.

Ты спросишь, поправив свои смешные очки: «Как я могу не захотеть, если я об этом до сих пор не знал?»

Да ты ведь проклял весь сегодняшний день, а заодно и завтрашний – как только конверт влез в безукоризненный порядок твоей квартиры. А как бедные-бедные дети слышат от такого строгого и умного тебя: «Время движется в оба направления». На каком-то там уровне. В отличие от тебя, никогда в этом не разбиралась, так пусть это будет уровень мысли!

Остается один вопрос: почему я этого не хочу? Я же написала это письмо.

Причина проста: я уйду. Уйду не в книжный магазин, не в провинцию и даже не в далекую жаркую Африку.

Я хочу покончить со всем этим и уйти из жизни. Вот так просто.

Я очень хорошо все спланировала. Все, как ты учил: электроды, полупроводники, соленая вода, напряжение, ток и лучший проводник – человеческое тело.

И стул, конечно же. Не будем отходить от канона.

Знаешь, в чем шутка? Я этого не хочу. Я больше всего на свете хочу жить.

И я очень твердо знаю, милый мой: если ты тоже хочешь, чтобы я жила, несмотря на все, что сказал неделей ранее, то... как там? Плюс на плюс же – минус? Задуманное мной непременно случится.

Если случится – я в последнюю секунду, перед ослепительной вспышкой, пойму, что тебе не безразлична. Улыбнусь – впервые за последние 10 лет.

А если этого не произойдет – то... плюс и минус. Не слышала, что в этом случае ты говоришь своим бедным глупым студентам, но знаю: мой плюс сильнее твоего минуса. И если этого не произойдет – то жить я буду долго и горько и остаток моей жизни будет стократно темнее той сладкой секунды света и радости.

Так что, милый мой? Родной мой! Непokoйный мой... Завтра я без пяти четыре сяду в кресло, поставив таймер устройства ровно на 16:00. Через пять минут через мое тело пройдет ток.

Если я все правильно рассчитала, то примерно к этой минуте ты уже должен дочитать. Для тебя я сейчас как кот Шредингера – не жива, не мертва.

На какой исход надеешься ты?»

Я дочитал, выдохнул, скомкал письмо и запихал в карман. Как хорошо, что я объяснил ей устройство электрической цепи а заодно – для смеха – электрического стула, но не рассказал, что для реальной работы нужно подключить его к розетке.

Не думаю, что она додумается до этого гениального шага.

Чертова дура... Плюс на плюс – минус, тоже мне! Хоть бы и сработал твой стул – не от электричества, так от цветочной пыльцы или солнечного света!

Часы проббили 4 раза.

Я ждал, нервно курил и думал: позвонить или уйти?

Кот Шредингера... Жива она или нет? Может быть, не такая уж она и дура? Хотя помню, я около дня потратил только на то, чтобы научить включать утюг!

Задребезжал телефон. Я рванул трубку.

– Аллю!

Конечно же, это была она.

– Оно не сработало.

– Славно...

– Ты рад?

– Рад, что не нужно платить гробовщику. – буркнул я и кинул трубку на аппарат и как можно быстрее вышел вон, пока меня не застал второй звонок.

Побежал на вокзал, за билетом на поезд.

Впервые радуясь, что женат на дуре.

О скрипачах и скрипках.

Есть в Оркестре традиция: скрипачей набирают в сотни раз больше, чем в наличии есть скрипок. В результате на каждую из них неприлично большой конкурс, а шанс сыграть на ней зависит от умения. И. даже играя в оркестре, скрипач получает скрипку всего на пару минут. Отыграл, передал далее по очереди...

Чтобы это не увидел зритель, сцена держится в постоянном полумраке.

Скрипачи постоянно тренируются, чтобы играть на первой скрипке! Если ты не лучший, то играешь на второй-третьей скрипке или вообще в общем составе, но даже там на каждую скрипку – два-три десятка претендентов!

А сами скрипки собираются вручную, самими же скрипачами. Это требует огромного умения, терпения, усидчивости и труда.

Первая скрипка, которую собирает скрипач, тут же отправляется на помойку – играть на ней стыдно даже автору. После первой мало кто решается собрать вторую... И только трижды потеряв надежду и веру, попортив уйму дерева и раскровив занозами обе руки, скрипач наконец создает что-то дельное! Как только в оркестре появляется новая скрипка, пусть даже неплохая, в тот же день на нее выстраивается очередь.

А уж за право играть на лучших скрипках дерутся настоящие мастера! Такие интриги плетут... Скрипачи морят друг-друга ядом, душат во сне! Самые милосердные – всего лишь ломают пальцы и как-бы случайно пихают коллег под автомобили и автобусы, лишь бы получить пару минут игры на чудесном, звучащем инструменте...

Победу вспоминают долго и с удовольствием. От поражения – порой вешаются.

Но вот кончился очередной концерт и сцену озарил яркий свет. И на поклон вышли... создатели скрипок. Степенно стоят перед почтенной публикой и пожинаят все лавры, пока зал осыпает их овациями и цветами. Изредка случается чудо и один из создателей вдруг смотрит через плечо и снисходительно кивает скрипачу: «Сюда, дружок. Сегодня ты неплохо сыграл на моей». Скрипач, не веря своему счастью, уже под самый конец аплодисментов выходит на сцену и смущенно стоит рядом.

А остальные – за кулисами, скрипят зубами от зависти. Мечтают, что в следующий раз позовут и их... А когда-нибудь они тоже соберут свою скрипку и будут стоять после концерта при свете прожекторов, окруженные цветами и овациями!

Но до следующего концерта опять считанные дни и уже нужно бежать репетировать и плести интриги, иначе и эти две минуты на полутемной сцене наедине со скрипкой и смычком будут не с твои...

Такая вот традиция. Такой Оркестр.

Доцент Ляси́ков остаётся без отпуска

– Стой там, Ляси́ков, не входи! – грозно крикнул Алексей Иванович, присматриваясь к люстре на столе.

– Алексей Иванович! – жалобно пролепетал доцент Андрей Ляси́ков. – Я с этой бумажкой пол института оббегал, осталась только ваша подпись!

«Как же вы меня все достали» – подумал Алексей Иванович, снимая галстук. «Тому подпись, этому сделать три отчета, у того жена рождает, а у этого ремонт... Ничего, скоро попляшете»

– Ты вот скажи мне, Ляси́ков... – злорадным тоном начал Алексей Иванович, примеряя галстук к люстре.

– Да, Алексей Иванович? – грустно отозвался доцент.

– Чтоб ты без меня делал?

«И узел покрепче, покрепче. А то не дай боже, развяжется»

– Не знаю, Алексей Иванович!

– Ты бы без меня, Ляси́ков, сидел бы сейчас в лаборатории и уколы делал в попу мыши.

– Пожалуй... Алексей Иванович. – слышно было, что доцент переминается с ноги на ногу. Вроде и стоять уже наскучило, и войти решимости не хватает.

– А что бы без меня делал ваша ректор, Аллочка? А, Ляси́ков?

– Не знаю, Алексей Иванович..

– А она, Ляси́ков, тебе бы мышей в клетки подкладывала. – взяв высокий стул из угла кабинета, Алексей Иванович подставил его под люстру, на которой уже висел, приветливо раскачиваясь, отвратительный белый галстук в зеленый горошек. Его ему подарила жена на день свадьбы.

– Наверное, Алексей Иванович.

– И знаешь что, Ляси́ков? – сказал главный заведующий института Алексей Иванович, который сегодня утром понял, что уже 26 лет работает без отпуска, а у его маленькой дочурки Галечки вчера была десятилетняя годовщина второй свадьбы.

– Что, Алексей Иванович? – упавшим тоном сказал доцент, отчаявшись получить подпись под отпускной.

– Вколи ка ты им сегодня двойную дозу витамина С. Пускай повеселятся перед выходными. – сказал Алексей Иванович, проверил напоследок, достаточно ли крепкий узел и выбил из под себя стул.

Петрович *бнулся. (18+)

Петрович ебнулся. Это случилось в вечер пятницы, когда он сидел на кухне и ел яичницу. Жена возилась в ванной, кот Заусенец драл очередную партию обоев в спальне, в углу кухни телевизор рассказывал о том, как в мире плохо.

– Надо спасти Россию. – медленно сказал Петрович, задумчиво глядя на кусок сардельки, свисающий с вилки.

– Тебе трусы постирать? – переспросила жена из ванной.

– Надо спасти Россию! – уже утвердительно повторил Петрович, решительно брякнув об стол вилкой. С кончика вилки упала сосиски и укатилась под стол. Заусенец немедленно перестал драть обои, прибежал и сожрал сосиску.

– Ах ты сука хвостатая! – закричал Петрович и побежал за Заусенцем, шлепая тапками. Но кот забился под кровать и Петровичу сдаваться не захотел. Не отреагировал даже на кинутый в него тапок. Петрович кинул для верности второй и босиком пошел обратно на кухню, доедать яичницу без сосиски.

Утром в субботу Петрович проснулся и пошел к столу, надевая по пути домашний халат. С улицы доносилась обычная выходная брань. Стук костяшек домино перемежался звуками открывающихся пивных бутылок.

– А че это на, ты ваще на...? – донеслось до Петровича.

Но Петровичу было не до обычных субботних соблазнов. Он встал и решительно закрыл форточку, чтобы не отвлекаться. Надо было спасти Россию.

За столом Петровича был огромный шкаф с книгами. Сдунув пыль со стеклянной стенки, он отодвинул ее и отыскал том “Психология коллектива. Авраам Шендерович.”

Достав книгу, он положил ее на стол и начал читать.

Прошло три часа и треть книги. Подошла жена и поставила перед ним тарелку с борщом.

– Ешь. – сказала жена.

– Нахуй. – коротко и весомо ответил Петрович.

– Ну и похуй. – не особо расстроилась жена.

– Ну вот и иди в жопу. – продолжил разговор Петрович.

– Щас сам пойдешь! – не растерялась жена.

Разговор принимал дурной оборот и Петрович спешно ретировался в туалет, и до вечера читал уже там, не обращая внимания на вопли снаружи. Вопли вскоре утихли.

Ближе к вечеру Петрович вышел и положил прочитанный том на правую сторону шкафа, прежде она была пустая.

Покосившись на шум со стороны кухни, с левой достал другую книгу – “Психология человека. Как провоцировать, а также погашать конфликты? Мойша Кауфман”. Убежал обратно в туалет и опять ушел в чтение, невзирая на возобновившиеся вопли снаружи.

Вышел он из туалета уже когда стояла глубокая ночь. Задвинув книгу на полку, он подошел к кровати и лег спать.

Проснулся Петрович около полудня, от шума посуды на кухне.

“Жена по воскресениям делает уборку в доме”. – подумал Петрович. – “Нахуй!”

Подойдя к шкафу, Петрович увидел книгу: “Здоровая жизнь – как начать здороветь?! Сара Шерман.” Взяв ее, он ушел в парк.

Книга кончилась быстро и Петрович вернулся домой чуть раньше, чем планировал. Положив книгу на полку, он остановил выбор на следующей: “Сумма политтехнологий. Герман Раухфергер”.

Сзади подошла жена, тыкнула его поварешкой в бок и поставила перед ним тарелку со щами.

– Ешь давай нахуй! – сразу выдала все козыри жена.

– Хорошо. – спокойно сказал Петрович.

– Ого, бля! – обрадовалась жена и ушла на кухню.

Петрович взял тарелку со щами и вылил их в форточку. После чего сел за книгу. Но успел прочесть только один абзац, как вдруг в дверь позвонили. Там стоял сосед снизу с погасшей папироской в руках. На его голове лежала вареная капуста, с ушей свисала морковь, а одинокое луковичное колечко свисало с папироски.

– Вы там чо, охуели совсем? – взял быка за рога сосед снизу.

– Че такое там, я не поняла!! – пришла с кухни жена, подключившись к разговору.

– Так, спокойно, на! – успокоил ситуацию Петрович. После чего нашел выход из положения. – Ну ты Сидорович молодца! Держи косарь, выиграл!

Посмотрев на охренившую жену, он продолжил.

– Да мы с ним зарубились, что он суп носом выпьет!

– Вот лох. – не прониклась жена и ушла на кухню.

– Ага! – кивнул ей в след Петрович. После чего использовал челночную дипломатию:

– Не, Сидор, ты не башляй мне тут! На косарь и все заебись!

– Ну да, заебись. – хмуро ответил Сидор, покосившись в сторону не до конца ушедшей жены. – Мы то с тобой на два косаря забивались.

Петрович не нашел, что ответить. Он прочитал только одну главу “Суммы политехнологий.”

К вечеру Сидор почти дочитал “Сумму политехнологий”. После чего поставил будильник на полчаса раньше обычного и лег спать

Встав на полчаса раньше обычного, Петрович пошел в душ, где вылил на себя ведро холодной воды. Потом он вышел из душа, пошел на кухню, лег на пол и сделал пять отжиманий. Полежал немного и сделал еще пять.

– Ты че пол ебешь? – не поняла его жена, которая вышла на кухню сделать завтрак.

– Для пиццеварения нахуй! – нашел выход Петрович. – И чтобы жопа меньше была!

– Ну нихуя бля ты! – изумилась жена. После чего легла на пол с ним и тоже отжалась три раза.

– Вот так нахуй! – весомо ответил Петрович, чувствуя растущее уважение.

Жена пожарила яичницу и Петрович съел ее, не обращая внимания на вопли Заусенца. Потом пошел на работу. “Сумму политехнологий” дочитал в автобусе.

Придя на завод, он увидел, что мужики сбились в кучу и дерутся.

– Че за хуйня? – поинтересовался он у зав.цехом, который стоял рядом.

– Охуели. – покачал головой зав.цехом.

– Заебись. – кивнул головой Петрович. После чего махнул рукой. – Хуйня!

Взяв со стола громкоговоритель, он включил его и сказал прямо в кучу дерущихся:

– Пиздец! Нас всех увольняют.

Услышал новость, важность которой была больше, чем драка, мужики замерли на месте.

– Че бля? – уточнил один из них.

– То нахуй! – уверенно качнул головой Петрович. – В городе новая крыша. У завода новый хозяин. Всех увольняет. Но если сделаем сегодня норму за неделю, еще можно допиздеться. Так что ебашим!

Мужики вскочили и молча побежали к станкам.

– Ну нихуя ты... – восхитился зав.цехом.

– А то! – сказал Петрович.

Ближе к концу рабочего дня, когда станки дымились от работы, его вызвали к зав. производством и дали премию. А потом сделали зав. цехом. Старый устал. “Заебался!” – ответил он и одобрительно хлопнул по плечу Петровича.

Идя домой, Петрович купил в ближайшем киоске брошюру “Гармония в жизни и отношениях. Ашер Рубенштейн”. Идя домой, прочел брошюру.

Подойдя к дому, купил в цветочном магазинчике розу.

– Заначку не верну. – отрезала жена, увидев розу.

– Ну и нахуй... – расплылся в искренней и радостной улыбке Петрович.

– Хм... – задумалась жена. И взяла розу. – Никуда ты. Заходи, че.

В ожидании ужина Петрович прочел “Инь и Янь. Дружба с реальностью. Как жить счастливо и спокойно? Ийоки Миадзиюки”.

Выйдя на кухню, он подошел к жене и несколько раз помассировал ей плечи.

– Нахуярился? – неуверенно спросила жена.

– Да не-е-е... – ласково ответил ей Петрович.

– Значит, ебнулся. – подвела итог жена.

Видя, что дальнейший диалог бесполезен, Петрович ушел, напоследок скормив сосиски Заусенцу. Кот удивленно замыкал, переменяя это с чавканьем.

Уже в кровати жена покопалась в подушке, достала конверт и протянула деньги Петровичу.

– На. – сопроводила она заначку.

– Не. – ответил он ей.

– Хуясе!!! – удивлению жены не было предела.

– Да у меня есть. Премию дали. Купи себе че-нибудь.

Заначка тут же скрылась обратно в подушке. Жена повернулась на бок и захрапела. Ей снились новая сковородка, и блестящий розовый кафель в туалете.

А Петрович встал, вытащил из сумки взятую “Сумму политехнологий” и положил ее в левую сторону шкафа. Из правой достал “Правильное питание – залог здорового тела! Сара Рейнер”.

Книга была довольно тонкая, так что Петрович осилил ее за три часа. Время было уже за полночь, так что он лег и быстро уснул, не забыв завести будильник.

Поднявшись утром, он вновь вылил на себя ведро холодной воды и отжался шесть раз.

Когда он хотел отжаться еще шесть, на кухню вдруг вышел Заусенец и сел ему на спину. Петрович вдруг ощутил, что кот мягкий и очень теплый. Сняв его со спины, он дал ему сосисок, а себе порезал в тарелку капусту и натер морковь, полив ее растительным маслом.

– Ты че, кролик? – недоуменно посмотрела на него жена, которая вышла на кухню.

– Да ну нахуй. – покачал головой Петрович. – Это просто заебись еда!

– Точно ебнулся... – подтвердила свои вчерашние опасения жена.

Петрович же взял в сумку томик Уголовного Кодекса, томик Гражданского Права и пошел на работу.

Теперь он был зав. цехом, потому весь день мог ходить по цеху и ничего не делать. Он ничего и не делал, только читал. Ближе к концу дня осилил оба тома и смог пораньше пойти домой. Зав. цехом же.

Поднимаясь на свой третий этаж, он вдруг увидел, что дверь приоткрыта. Из-за двери слышался приглушенный говор жены и еще чей-то, мужской.

Далеко идти не пришлось. Уже зайдя в квартиру, он наткнулся на открытую дверь туалета. Пол был наполовину покрыт блестящим розовым кафелем. Вместо того, чтобы устлать

им вторую половину, сантехник Вован стоял со спущенными штанами и лапал его жену. Жена была не против.

Войдя в туалет, Петрович со стуком закрыл за собой дверь. Жена и сантехник Вован обернулись и застыли.

– А я сковородку купила. – зачем-то сказала жена. А потом уточнила. – Новую.

– Я вижу. – ответил ей Петрович.

После чего обратился к сантехнику Вовану:

– Кафель положишь бесплатно. И еще ящик кафеля занесешь.

– А то че бя? – неуверенно спросил сантехник Вован, пытаясь натянуть штаны.

– А то пиздец бя. – отрезал Петрович. – Подпиши тут и тут.

Вынул из сумки два листа.

На первом написал: Я тебя не выебу, а ты мне кафель.

А на втором: Он меня не выебет, а я ему кафель.

Сантехник Вован посмотрел, недовольно заворчал, но штаны опять спали. В последний раз попытался их натянуть, понял, что другого выхода нет и подписал оба листа.

Первый экземпляр Петрович оставил себе, второй отдал Вовану. И ушел в комнату, нужно было положить в левую сторону шкафа две прочитанных книги.

Взамен Петрович взял “Философию понятий и взаимосвязь явлений. Эрнест Швандыгович.”

Через пять минут из туалета выбежала жена и помчалась на кухню, жарить котлеты на новой сковородке.

Еще через час из туалета вышел сантехник Вован. И пошел к выходу.

– Только чтоб заебись кафель был! – крикнул ему вслед Петрович.

– Че бя? – опасливо уточнил сантехник Вован, подтянув штаны.

– Качество кафеля напрямую влияет на то, как я тебя выебу и выебу ли. – объяснил Петрович, перелистнув “Философию понятий и взаимосвязь явлений”. – Хороший кафель – выебу мало, но пиздец твоей жопе, если кафель будет пиздец!

Сантехник Вован неуверенно кивнул, еще раз подтянул штаны и вышел.

Дочитав “Философию понятий” и положив ее в левую сторону шкафа, Петрович достал из правой стороны “Как начать свой бизнес и преуспеть? Подводные камни и первые шаги. Авраам Аврамович”.

Жена к тому времени уже успела лечь спать, буркнув Петровичу про котлеты в новой сковородке.

Полученный от сантехника Вована кафель Петрович продал, получив приличную сумму денег. Кафель был хороший.

Несмотря на то, что была середина рабочей недели, Петрович принял решение и остался дома, где не переставая читал. Жена ходила мимо него, но помалкивала, лишь иногда ставя перед ним тарелку с борщом. Борщ Петрович съедал.

За среду, четверг, пятницу и оба выходных Петрович прочел книгу об ораторском искусстве, об обмане, и логике мышления. И перечитал “Сумму политтехнологий”. В понедельник он встал, облился холодной водой, отжался 10 раз, отогнал Заусенца от попытки залезть на спину. Съел салат и поехал на работу, пошел напрямиком к директору завода.

– Э, ну ты чо вконец охуел? – поприветствовал его директор завода, Михалыч.

– Галстук у тебя заебись. – уклончиво ответил Петрович.

– Ага, заебись. – застенчиво заулыбался Михалыч, погладив галстук и позабыв даже на время про то, что хотел обругать Петровича. – Так ты это...

Но тот перехватил инициативу и продолжил:

– Вот галстук у тебя заебись, а машина хуйня!

– Че это хуйня то? – обиделся Михалыч, смущенный неожиданным вопросом и окончательно позабывший про прогулы Петровича.

– Мало денег тебе с завода идет, Михалыч!

– Э, слыш... – тихо сказал ему Михалыч, резко сбавив голос. – Ты давай дверь закрой и иди сюда.

Петрович немедленно закрыл дверь и подошел к Михалычу, почти вплотную. Директор несколько секунд молча смотрел на него, а потом вдруг резко изменился в лице.

– Ты бля охуел??! Да я тебя, гаденьша...! – протянув руки к Петровичу и ухватив его за ворот, попытался ударить его об стол. Надо сказать, что это был обычный метод общения Михалыча с подчиненными, которыми он был крайне недоволен. Приложившись несколько раз лицом об стол, человек обычно понимал, что не прав.

Но Петрович теперь был в куда лучшей физической форме.

Перехватив Михалыча, он аккуратно развернул его и усадил на рабочее место. Сам же невозмутимо сел напротив, не дернув и мускулом лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.